

К. Д. Бугров**В. С. Ившин****Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XVIII—XIX вв.**

В статье анализируется трансформация «петровско-екатерининской образности» в панегирической литературе конца XVIII — первой четверти XIX в. Демонстрируется эволюция данной образности на фоне Французской революции 1789 г., складывание прочного екатерининского культа в конце царствования императрицы, устойчивость этого культа в панегирической традиции в правление Павла I и первых лет alexandrovского царствования. Использование «екатерининской образности» в светских панегириках, посвященных воцарению Александра I, было уникальным: оно имело целью презентовать нового монарха не только как нового Петра, но и как новую Екатерину, одновременно подвергая критике павловскую «тиранию». В то же время в политическом богословии «дней alexandrovых прекрасного начала» историческая аналогия с «екатерининской образностью» отсутствовала вовсе, что позволяет сделать вывод о начале постепенного «отмирания» культа Екатерины II в царствование Александра I и последующем переосмыслении фигуры самого царя как спасителя России и Европы на фоне военной фортуны 1812 года.

Ключевые слова: Александр I, митрополит Платон Левшин, монархизм, провиденциализм, проповедь, панегирик.

Трансформации отечественного монархизма конца XVIII века — важная тема в истории России Нового времени. Влияние развернувшейся с конца 1780-х гг. революции во Франции, усиленное началом целого тура революционных войн [42], накладывалось на внутрисоссийские политические перипетии — нестабильность короткого царствования Павла I [34].

Советская историческая наука полагала, что к концу XVIII в. доминирующая феодальная идеология монархизма окончательно приходит в противоречие с новыми буржуазными и демократическими идеями, глашатаями которых выступают «просветители» [6; 21]. Подобная концепция, рисующая российскую политическую культуру рубежа XVIII—XIX вв. исключительно в категориях конфликта, сегодня не является доминирующей: в исторической науке о России сложился своего рода консенсус, характеризующий развитие отечественной политической культуры рубежа столетий как соответствующей, пускай и с переменным успехом, сложившемуся за XVIII век вектору развития в сторону той или иной формы «законной монархии» [13; 25; 38; 40; 43]. С другой стороны, ряд исследователей обоснованно подчеркивает, что именно в конце XVIII века происходит своего рода размежевание между разными направлениями отечественной политической мысли, возникают новые формы политической культуры, оппозиционные по отношению к доминирующей культуре монархизма и склонные считать Российскую империю не «законной монархией», а той или иной формой деспотии [18; 28].

Стало ли комбинированное давление внешних и внутренних факторов причиной крупных изменений в интеллектуальной системе отечественного монархизма на рубеже XVIII—XIX вв.? Настоящая статья анализирует эту проблему на материалах *панегириков* — важного элемента общего политического дискурса монархической России.

Панегирическую и одическую литературу XVIII столетия и ее политическую роль изучает целый ряд специалистов [1; 2; 12; 15; 16; 19], однако специальный вопрос о ее месте и роли в трансформациях отечественной политической культуры указанного периода, насколько нам известно, не ставился. Между тем единство тематики этого комплекса

© Бугров К. Д., Ившин В. С., 2021

источников (стихотворных и прозаических панегириков, появившихся в печати за десятилетие с начала 1790-х гг. до первых лет XIX в.) задается двумя обозначенными выше факторами: присутствием Французской революции как рамочной темы, заставлявшей заново осмысливать феномен монархии, и чередой перемен внутри России (за десятилетие монарх менялся дважды, причем второй раз — вследствие переворота 1801 г.).

Какова связь между панегирической литературой и монархизмом? Именно жанр панегирика формировал один из важнейших элементов политической культуры России XVIII в. — *сакрализацию монарха*, в интерпретации которой мы опираемся на идеи В. М. Живова и Б. А. Успенского, выдвинутые в знаменитой работе «Царь и Бог» [37]. Феномен сакрализации в огромной степени зависел от стратегий использования церковной проповеди и панегирика [3, с. 131; 11, с. 427], сыгравших решающую роль в оформлении к середине XVIII в. своеобразного культа Петра I — своего рода «несущей конструкции» этого провиденциального монархизма. Константами политической культуры политического богословия времен Елизаветы Петровны, наиболее тщательно разработавшей петровскую образность в политическом ключе, стали провиденциализм, жертвенность, чудо и воплощение [3, с. 135]. Власть императора в рамках данной культуры описывалась в категориях одновременно августинистских (как манифестацию божественного промысла о России, в духе провиденциалистской философии истории Августина Блаженного) и культовых (презентовавших самого императора как божество или полубожество). Монархия, по замечанию американской исследовательницы Э. Виртшафтер, выступала гарантом правосудия, приведения несовершенных мирских дел в соответствие с «трансцендентным моральным порядком, сотворенным Богом» [44, р. 174]. Ниже мы рассмотрим ряд текстов, которые можно отнести к панегирическому жанру светской оды и прозаического панегирика, а также панегирика церковного. Конечно, понятие панегирика является довольно широким, однако в нем обычно должны присутствовать две основные черты — связь с «торжественными моментами» (вступление в город, воцарение, коронация, выигранная битва) и эпидейктическая риторика, ориентированная на создание у слушателей торжественного настроения. В этом смысле панегирик как форма политического текста отличается от, например, политико-правового трактата с его разработанной системой аргументации. Это, однако, не делает панегирик менее важным жанром с точки зрения функционирования политического.

Можно с уверенностью сказать, что именно Петр оставался важнейшей фигурой российской истории в авторитетной топике XVIII в. Но с 1760-х гг. усилиями церковных и светских панегиристов складывался и культ Екатерины II [31]. К концу века он, безусловно, являлся полностью сформированным, хорошо разработанным интеллектуальным арсеналом восхваления императрицы. Последний в хронологическом смысле всплеск активности панегиристов в прославлении Екатерины II был спровоцирован Французской революцией 1789 г. и последовавшим за ней восстанием в Польше 1794 г., которые заставили российские элиты по-новому осмыслить политическое значение монархии. Целая серия прозаических и поэтических сочинений (например, «Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI» П. Икосова, «Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенный» А. Волкова, сочинения анонимных авторов «Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVI, короля французского, с описанием его кончины» и «Мнение беспристрастного гражданина о буйных французских переменах») была посвящена критике революции и цареубийства во Франции [42, с. 143—145]. Нападая на французское «безначалие», сочинения эти, как правило, содержали и панегирик Екатерине II.

Примером может выступить текст студента Московского университета И. Е. Срезневского «Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы» (1794). Здесь речь идет об «улье, что к западу стоит», населенном свирепыми осами. Когда-то и они были пчелами, однако взбунтовались, убили собственную королеву и оказались в хаосе анархии [24, с. 16]:

Друг друга рвут, тиранят, жалят,
Число своих союзниц малят.
Иныя прочь оттоль летят,
И к нам в подданство все хотят.
И — что со временем там будет?
Падет несчастный улей сей;
Весь пчельник наш его забудет,
Поверьте вести вы моей.

В противовес ужасам западного улья тот улей, который представлял автор оды, наслаждается царствованием мудрой матки [24, с. 23]:

Щастливы мы, стократ щастливы,
Коль разум столько прозорливый
Прямой нам отворяет путь,
Чтоб им блаженства досягнуть.
О естли б небеса судили
Тебе жить множество веков,
Иль вечну жизнь определили,
Сей вечно б улей был таков!

На события 1794 г. в Польше российская интеллектуальная элита откликнулась целой серией панегириков, в которых социальные катаклизмы конца XVIII в. осмыслились в категориях провиденциального монархизма. Ярким примером политической литературы такого рода является «Ода на покорение Польши» (1794) А. С. Шишкова. Революция здесь предстает как «божественное» наказание французов за отступление от христианской веры, а сама революционная Франция представлялась ему «царством антихриста», губителем других государств и народов. В противовес этому ликвидация монархии во Франции привела к хаосу анархии и атеизма [41, с. 146]:

Там безначалие, сей лютый,
Стоглавый, ядовитый змей...

Именно «безначалие» породило прочие пороки французского общества и длительные негативные последствия: «бедную добродетель», «хищническую праздность», «безжалостность», «злочестие», «все сокрушается, пустошит... кровь льет рекой» [41, с. 146, 148, 151—152]. Французскую республику Шишков считал порождением анархии и атеизма, в которой граждане пребывают в «токах крови», «звериной дикости»; там «змий ползущий»; «ад самый содрогнется, внимая страшным сим делам», а сама добродетель бедна [41, с. 146—149]. Причиной же «безначалия» Шишков называл отступление французов от христианской веры, что привело их к покушению на власть монарха, дарованную от бога, и к убийству божьего помазанника [41, с. 150]:

Но там покою быть не можно
<...>
Где рушен Божеский закон,
Где царский погран скиптр и трон...

Шишков презентует Екатерину II как чудесную героиню, творящую почти божественные дела, в частности использует характерную солярную метафору [25, с. 145]:

Тобой, как солнцем осияна,
Ликует Российская страна.

«Царству антихриста» Шишков, точно так же как и Срезневский, Икосов и другие авторы, писавшие о Французской революции, противопоставляет «спасительно царство» — это, конечно же, Российская империя, «блаженная из всех стран <...> под орлиным скипетром и крылом <...> счастливейшая из всех племен, не знает пагубных премен», в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрая добродетельная императрица — Екатерина II — «пастор» в царстве «тишины и благодати» [41, с. 143—144]. Здесь «во градах светит красота», в судах «совесть предстает зеркалу», «художеств и наук собор увеселяют ум и взор», а границы державы защищают могущественные армия и флот [41, с. 145—146]. В соответствии с канонами монархического дискурса XVIII в. Шишков обращается и к историческим сравнениям, уподобляя Екатерину Петру [25, с. 145]:

Не Он ли даровал Петра?
Не Он ли днесь Екатерину
Для общего послал добра?

В сходной манере обращается с этим сюжетом и, например, один из крупнейших авторов од екатерининской эпохи — В. П. Петров [9, с. 154].

Панегирическая волна начала 1790-х гг., связанная с революцией во Франции и восстанием в Польше, была последней в царствование Екатерины II. Сменивший ее Павел I вззошел на трон в соответствии с существовавшими на тот момент нормами; за время короткого царствования Павла в его честь был написан целый ряд панегириков — в том числе авторства Н. М. Карамзина, К. К. Кондратовича, С. В. Руссова, Д. И. Хвостова, П. В. Мещерского, В. П. Петрова, М. М. Хераскова и, наконец, Г. Р. Державина. Однако какого-либо специфического курса они не обосновывают и не восхваляют: Павел восходил на трон без дворцового переворота, а резкий разрыв с курсом Екатерины II не был отрефлексирован панегиристами в достаточной мере.

В первых одах, посвященных Павлу, чрезвычайно ярко присутствует петровско-екатерининская образность. У В. П. Петрова значительную часть оды «Плач и утешение России к его императорскому величеству Павлу Первому» (1796) занимают ламентации России о смерти Екатерины — едва ли не самое сильное проявление екатерининского культа [30, с. 250—251]:

Екатерины нет! о горе, о беда!
Привыкшей славы к блескам,
Ко торжествам и плескам,
Сраженной тако ль быть вдруг вышла мне чреда!
Так нет тебя, о благ сокровище бесценных.
Царица бодрых душ, живых и просвещенных;
Тебя, которой жертв курились алтари
И поклонялися с почетом цари!
Закрылись очеса, что радость проливали;
Умолкли ввек уста, что разум возвещали;
Окрепи персты рук, писавы мне закон
И счастье тысячам: о, беспробудный сон!
Лежит недвижима, кем двигана вселенна,

От мощи всей ее лишь плоть осталась тленна.
 На сей великий труп, на мертво божество,
 Слез миро льет со мной днесь тварей естество,
 Мне горы, мне леса, мне морь состонут волны,
 Во бреги бьют, ревя, слезами реки полны.

В свою очередь «Ода его императорскому величеству при всерадостном вступлении на прародительский престол» (1796) М. М. Хераскова начинается так [39, с. 104]:

Российско Солнце закатилось,
 И север весь покрыла тень;
 Но Солнце новое явилось
 И воссиял нам светлый день.
 Сопровождаемый Минервой,
 На трон восходит Павел Первый.
 <...>

Чей правнук, Павел не забудет,
 Чей сын, он станет вспоминать,
 И день от дня отныне будет
 Россия в славе возрастать;
 Вселенна Павлу удивится,
 Екатерина в нем явится,
 Явится в нем великий Петр...

Очевидно сравнения с матерью не радовали Павла, и в более поздних одах Хераскова екатерининская образность исчезает, зато петровская сохраняется, как, например, в «Оде его императорскому величеству на день всерадостного его прибытия в Москву для священного миропомазания» 1797 г. [39, с. 107]:

Ликует шум среди полков:
 К нам правнук шествует Петров!

Панегирические тексты, посвященные Павлу, часто описывают его с помощью соллярных метафор — как, например, у П. В. Мещерского [20, с. 8]:

Монарх, избранный к скиптру Богом,
 Ко щастью, к славе россиян!
 В сей день ты послан к нам залогом
 От горних и блаженных стран.
 Российска солнце дня прекрасно!
 Теки спокойно, безопасно,
 Блаженство Россов соверши;
 Свети нам, грей нас, утешайся,
 Вокруг всегда нас обращайся,
 Будь рай ты нашея души.

Здесь же у Мещерского упоминается и «адская гидра», побежденная российскими орлами — аллюзия на революционную Францию, в полном согласии с охарактеризованными выше ходами.

В 1801 г. Павел I был свергнут и на трон взошел Александр I. Формально переворота не было, и соответствующий манифест Александра лаконично сообщал о естественной смерти государя. Смена власти спровоцировала очередную волну панегириков.

Эти тексты следовали в русле сложившейся в XVIII в. традиции, которую мы коротко обрисовали в начале данной статьи. Культ монарха конструировался при помощи целого

набора исторических аналогий, среди которых было риторическое «возрождение» в царствующем государе его великих предков (Петра I, Елизаветы, Екатерины II), библейские сравнения (Давид, Соломон), исторические экскурсы (Александр Македонский, Марк Аврелий). Наконец, панегиристы описывали монарха как фигуру, способную преобразовать страну одним фактом своего присутствия на престоле — милостивого отца, «счастья общего творца», преобразователя, мудреца и законодателя [4].

Важно, что панегирики в честь Александра I следовали модели легитимации дворцового переворота, хотя формально, как мы отметили, переворота не было. Они противопоставляли предыдущее — плохое — царствование новому, хорошему. Именно такая риторическая стратегия применялась для оправдания царствования Анны Иоанновны (критика «затейки» верхушечников), Елизаветы Петровны (осуждение Миниха, Остермана и «узурпировавшего» трон царя-младенца Иоанна Антоновича) и, наконец, Екатерины II. В чем заключалась специфика данной стратегии? Политический анализ переворота был для панегиристов невозможен, так как подрывал бы основополагающее соображение о божественном происхождении власти государя. Однако указанием на переворот было риторическое противоположение ситуации до и после воцарения нового монарха: *до* воцарения (то есть при предыдущем монархе) народ страдал, а *после* — обрел счастье.

Наиболее прямолинейно выступил Г. Р. Державин; его ода на воцарение Александра I, едва ли не прямым текстом прославлявшая гибель Павла I, была опубликована только в 1808 г. Державин сравнивал воцарение Александра I с наступлением весны и, соответственно, характеризовал предшествующее царствование как зиму с суровым северным ветром (Норд, Борей) [7, с. 355—356]:

Век новый! Царь младый, прекрасный
Пришел днесь к нам весны стезей!
Мои предвестья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздух веют аромат...

В оде Державина появляется и смотрящая с небес на Россию Екатерина II [7, с. 359]:

Стоит в порфире и вещает,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се небо ныне посылает
Вам внука моего в царя. —
Внимать вы прежде не хотели
И презрели мою любовь;
Вы сами от себя терпели,
Я ныне вас спасаю вновь».

Первоначальный вариант строфы был еще более откровенным: соответствующие фрагменты звучали как «давно я зло предупреждала // назначив внука вам в царя» вместо «напасти без меня терпели // я ныне вас спасаю вновь». Однако перед публикацией в 1808 г. Державин изменил текст. Здесь мы, безусловно, имеем дело с критическими инвективами по адресу предыдущего царствования — как бы ни пытался сам поэт в комментариях к оде утверждать, что под «Нордом» подразумевается северный ветер из более раннего стихотворения «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779); имеется целый ряд примеров критического отношения к Павлу I в державинской поэзии [17, с. 62].

Аналогичные противопоставления, пусть и в более мягкой форме, использовались в оде П. Берга [4, с. 234]. А Невзоров, говоря о возвращении екатерининского золотого века, противопоставляет Александру I разнообразных тиранов (общим числом семь — Аттила, Чингисхан, Тамерлан, Нерон, Калигула, Кромвель и Оттон; очевидно, имеется в виду римский император Марк Сальвий Отон), а также вновь упоминает зиму, которой Александр кладет конец — новый монарх вернул сосланных из дальних стран, «где вечный царствует Борей» [23, с. 7]. Наконец, Н. Г. Щеголев, подчеркивая возрождение екатерининского «золотого века», предлагает своеобразный исторический ряд — «Владимир, Иоанн, с Петром Екатерина» [27, с. 5].

Наиболее последовательно противопоставление Александра I и его предшественника проводится в «Слове на празднество всерадостнейшего коронования государя императора Александра Павловича» (1801), которое в Черноморском штурманском училище города Николаева произнес преподаватель П. И. Суворов. Здесь говорилось об освобождении «невинных или маловинных» узников из Сибири и темниц, о возвращении ко двору «уклонившихся и сокрывшихся» советников Екатерины, «упразднил введенные некие затруднения и неудобства» священнослужителей и, наконец, спас от гибели благородные роды: «Се стекаются в знаменитейшие грады избраннейшие роды Российские; роды, прославившиеся делами и подвигами предков своих, исполненные наследственного духа чести и мужества, и сами подвизавшиеся на пользу Отечества со славою. Злый рок едва не коснулся и сих; и тогда бы пала, пала мощная Россия невозвратно» [36, с. 8—9]. Профессор из Николаева превзошел всех остальных панегиристов в искусстве восхвалять: всенародную радость от воцарения Александра он поставил выше ликования от воцарения «родообновителя царей наших» Михаила Романова. А в конце панегирика Суворов воспроизвел знаменитый риторический ход Платона (Левшина), когда-то в присутствии Екатерины II призывавшего Петра Великого восстать из гроба и посмотреть, как процветает Россия: «Убо прииди ныне, Екатерина, Матерь Отечества! Прииди, Божественная тень, от горних блаженных оных мест, где добрые с тобою цари зрят присно невечерний день. Зри ныне возлюбленную тобою Россию покоящуюся, яко при тебе, благоденствующую, радующуюся; убо и сама с нами сорадуйся!» [36, с. 20].

Екатерининская образность использовалась и в панегириках собрания «Жертва всерадостных чувствований», поднесенного Александру I от Казанской академии в сентябре 1801 г. [8, с. 6—7]:

Воскресла в нем Екатерина,
Отечества любезна мать;
В нем сердце с ней, душа едина:
В полях потухнет грозна рать.
<...>
Он рек уже в своем совете,
Что бабки по следам пойдет,
И что для человека в свете
Блаженство в кротости найдет.

В этой оде Александр обещает «россам» возродить былую славу, а народ ликует, как олень, избежавший волков или охотников [8, с. 8]:

Равно злощастьем угнетенный,
Давно не знав утех прямых,
Печалью, горестью стесненный,
Исторгнувшись от бедствий злых,

В восторге радостном ликует,
Свое спасенье торжествует,
Поет своих блаженство дней;
Поет, монарха прославляет,
Судьбу свою благословляет,
Сидя в объятиях друзей.

Те же образы использовались и для акrostиха, но здесь появлялся и Павел, казалось бы, косвенно заклеименный в оде [8, с. 21]:

Астреин век златой к вам, Россы, возвратился,
Любезный небесам сын Павла воцарился,
Екатерина в нем премудрая живет,
Которой по стопам в правленьи он идет.
<...>

Раздором ли дерзнет смутить враг наш покой?
Алкиды росские с геройством вступят в бой,
Сотрут врага, как Петр полночна исполина:
Там страшен меч, где дух и мысль у всех едина.

И наконец, в поздравительном канте [8, с. 36]:

Кто есть сей царь? Известна всем
Великая Екатерина.
Представьте те ж доброты в нем,
Те ж свойства и душа едина.

В 1801 г. уже упомянутый А. С. Шишков пишет «Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I», также представляющие собой панегирик новоиспеченному императору. В этом произведении он возлагает определенные надежды на его правление, уподобляя Александра Петру I и Екатерине II, а также воспроизводя уже устоявшуюся риторическую стратегию прошлых лет [41, с. 177]:

О Боже праведный!
Твоей святой рукою
На троне Александр;
Ты с ним и он с Тобою
<...>
С ним [Александром] правосудие воссядет на престол;
<...>
С Екатерининской великою душой,
Он будет новый Петр и на суде и в поле.

Шишков, используя метафору зимы — весны и образность Петра и Екатерины, все же не стал критиковать предыдущее царствование.

Итак, на воцарение Александра I как на переворот указывают метафоры зимы — весны, а также ссылки на особое наследие Екатерины II, которое было поправлено в предыдущее царствование и которое Александр I восстанавливает своим восшествием на трон. Кратко проявившаяся в панегириках Берга и Невзорова и тщательно разработанная в панегириках Державина и Суворова, эта стратегия игнорировала Павла I и напрямую обращалась к наследию Екатерины II — так же, как это делали панегиристы в начале царствования самого Павла, но куда более интенсивно. Панегиристам приходилось импровизировать: в отличие от случаев Елизаветы и Екатерины II у Александра I не было никакого манифеста, который бы указывал публицистам, как именно оправдывать переворот;

манифест о воцарении Александра был предельно лаконичен и не содержал выпадов по отношению к царствованию Павла I, хотя одновременно и декларировал возвращение к принципам екатерининского царствования. За этим манифестом последовала целая серия указов, отменявших разнообразные нормы царствования Павла; почти все они так или иначе превозносили мудрость Екатерины II, но вместе с тем оставались предельно корректными по отношению к предыдущему царствованию. Тем не менее в первые месяцы панегиристы стремились описывать восхождение на трон Александра с помощью риторических моделей екатерининского политического культа, одновременно используя их для скрытой, но острой критики царствования Павла, едва ли не единогласно подаваемого панегиристами как время жестокой тирании; с учетом того, что официально переворота не было, что официально Павел скончался своей смертью, ситуация выходила двусмысленная.

Конечно, здесь были свои исключения. В том же 1801 г. Н. Микулин издал оду в честь Александра I, в которой мирно соседствуют и Екатерина II, и Павел I [22, с. 4—5]:

Но Музы Росския вспевают,
И с ними вместе Твой народ.
В Тебе надежду полагают,
И чтобы в роды — род и — род
Росли бы всюду райски крины,
Как были в дни ЕКАТЕРИНЫ,
И дух бы жил в Тебе ПЕТРОВ;
И чтоб блаженны дни России
От Сына ПАВЛА — и МАРИИ
Прославили ПЕТРОВУ кровь.
Чтоб царствовал Ты многи лета,
Узрев сыны — сынов Своих;
И чтоб с Тобой ЕЛИСАВЕТА
Украсила все нравы их.

Микулин не предлагает никакого противопоставления; у него монархи XVIII в. словно бы запечатлены на семейном портрете счастливых родителей и детей: молодожены Александр и Елизавета, а с ними — императорские отец, мать, бабушка, прапрадед.

Куратор Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов и вовсе изъяснял любовь к покойному императору, заявляя в оде Александру I [5, с. 9]:

Отец Твой был мне благодетель:
Могу ль я Сына не воспеть?

Какую же роль играл в легитимации власти нового императора церковный панегирик? Виднейший церковный оратор митрополит Платон (Левшин) произнес целую серию речей между 8 и 16 сентября 1801 г. в ходе коронационных торжеств, проходивших в Москве.

Основной в серии этих речей была речь после коронации Александра I. Произнеся дежурные панегирические фразы о вознесении благодарностей Провидению за воцарение Александра, Платон сосредоточился не на разворачивании метафоры весны — зимы, предполагавшей контрастное описание страданий *тогда* и счастья *теперь*, но перешел к наставлениям императору: «Сей Венец на главе Твоей есть слава наша, но Твой подвиг. Сей Скипетр есть наш покой, но Твое бдение. Сия Держава есть наша безопасность, но Твое попечение» [26, с. 657]. Новому царю, какими бы блистательными ни были его качества, надо остерегаться: близ престола обретаются «ласкательство», «клевета»,

«пронырство», «мздоимство», «лицеприятие», «бесстыдство и роскошь со всеми видами нечистоты». Защита от столь чудовищных врагов «требует сил более, нежели человеческих», поэтому «судя о тебе, хотя превознесенном паче всех человек, но яко о человеке, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные удержать в своих пределах» [26, с. 659]. Итак, царь — лишь человек и, значит, восторги следует умерить; но, добавляет Платон, царь пользуется особым «призрением Господним», он избран Богом как в силу своего торжественного помазания, так и в силу своих выдающихся качеств: «Ибо точно можем мы о Тебе, Государь, сказать то же, что сказано о помазаннике Давиде: “И Давид красен и добр очами и благ взором Господеви”. И наш любезнейший Давид красен лицом, добр очами и благ взором Господеви — что само по себе не толико было бы важно, если бы оно не было точным знамением Твоея красоты душевныя, доброты мысли и благиости сердечной» [26, с. 659].

В завершении проповеди Платон также обратился к супруге императора, назвав ее «верной в ношении общественного бремени помощницею», и к императрице-матери Марии Федоровне: «Ежели какая была и есть в душе Твоей скорбь, не доволен ли источник сей усладить оную? Ежели какие бурные тучи помрачали мысль Твою, сие воссиявшее от Тебя светило не довольно ли разогнать весь мрак сей? Итак, видя днесь, яко мать Соломонова, Сына своего венчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господа, столь милостиво Тя посетившего!» [26, с. 660]. В своей заключительной речи 16 сентября 1801 г., произнесенной в Кремлевском дворце «от всего духовенства», Платон вновь использовал образ императорского семейства, включая в него и жену, и мать императора: «...да здравствует наш самодержавнейший и всемилостивейший Государь Император, Александр первый, и с Их Императорскими Величествами — вселюбезнейшею Супругою и вседражайшею Материю, и со всею Августейшею Фамилиею, на многая лета!» [26, с. 662]. Итак, Александр, новый Давид и Соломон — сын Марии Федоровны, но не внук Екатерины II.

Возможно, настойчивые обращения к матери и супруге Александра I были связаны с их физическим присутствием на коронационной церемонии, однако это не объясняет отсутствие ссылок на Екатерину II. Великая бабушка Александра I, в отличие от жены и матери, не появляется ни в одной из речей Платона, что являло собой резкий контраст с группой светских панегириков, рассмотренных выше; там Екатерина присутствовала неизменно, пусть и в разных качествах — от полубожественной силы, возводящей любимого внука на трон (Карамзин, Суворов), до важного лица на семейном портрете Романовых XVIII столетия (Микулин). Отсутствие Екатерины в проповеди Платона тем более интересно, что политические проповеди эпохи Елизаветы Петровны, сформировавшие канон жанра, основным аргументом использовали уподобление дочери отцу, провозглашая Елизавету новым Петром. Но аналогичную риторическую операцию с внуком и бабушкой Платон, как видим, осуществлять не стал и вообще использовал только библейские сравнения. Кроме того, Платон ничего не говорил и о предыдущем царствовании, хотя намек на то, что Павел I был тираном, можно разглядеть в августинистском по сути начале приветственной речи Александру I: «Не дерзаем мы испытывать неиспытанные судьбы Божии. Мы ведаем токмо из истинного слова Господня, яко управляющий царствами человеческими Вышний, во гневе Своем, за грехи народов, творит обладателей земных орудиями Своего нелицеприемного правосудия. Но Он же, во благоволении Своем о людях Своих, дает государей мудрых, человеколюбивых, благодетельных и Духом Своим владычным утверждает их» [26, с. 655—656].

Аналогичной стратегии придерживался и белорусский епископ Анастасий (Братановский). В своем «Слове в первый день по получении известия о короновании благоче-

стивейшего государя императора Александра Павловича» (1801) Анастасий полностью проигнорировал Екатерину II, сфокусировавшись вместо восхваления политики «бабушки» на антимаккиавеллистских соображениях о возможности совмещать «должность» хорошего христианина и хорошего политика [29, с. 183—192]. Архимандрит Воскресенского монастыря под Москвой Иероним (Понятский) в речи к Александру I и августейшему семейству, произнесенной 6 октября 1801 г., называл царя «сыном Давидовым» и «царем российского Сиона», но от аналогий и уподоблений из российской истории воздержался [33]. В более поздних церковных панегириках, насколько нам известно, уподобление Александра I Екатерине II также не встречается, хотя остальные составляющие жанра — августинистский провиденциализм, библейские сравнения и восхваление особенных качеств монарха — сохраняли значение.

Итак, насколько мы можем судить, политическое богословие «дней александровых прекрасного начала» (представленное в данном случае речами Платона и Анастасия) не использовало историческую аналогию с Екатериной II для того, чтобы восхвалять воцарение Александра I, отказываясь повторить тот же интеллектуальный маневр, что был осуществлен при Елизавете Петровне. Что стало причиной этого? Александровские манифесты не предлагали четких руководящих линий для легитимации нового монарха, однако в целом курс на восстановление екатерининской политики был в них представлен довольно-таки отчетливо. Возможно, к сентябрю 1801 г. стремление характеризовать новую политику через сравнение с «бабушкиной» угасло?

В конце концов в панегириках, посвященных воцарению Екатерины II, поначалу было принято сравнивать новую императрицу с Елизаветой, однако вскоре стало понятно, что такие сравнения при дворе не жалуют. Тогда единственной референтной фигурой для панегиристов остался Петр I, политический культ которого при Елизавете уже сложился в полной мере; можно, упрощая, сказать, что Екатерина II заменила собой Елизавету. Но длительное и очень успешное царствование Екатерины II вроде бы сформировало такой канон, в котором она встала вровень с Петром I даже не как наследница (именно наследование старался подчеркнуть, например, Павел I надписью «Прадеду правнук» на памятнике Петру), а как равная. Пример риторики такого рода являет стихотворение «Осмнадцатое столетие» (1801—1802) А. Н. Радищева, которое может считаться в ряду панегириков Александру I [32, с. 128—129]:

Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

А упомянутый уже Хвостов, проигнорировавший Петра и Екатерину в «Оде на день рождения», в другом сочинении 1803 г., оде «На рождение Петра Великого», воспроизвел весь классический для XVIII столетия набор петровских образов, заключая [38, с. 25]:

Россия! за владык преславных
Творца небес благодари,
Что он Петру душою равных
Тебе ниспосылал в цари.
Гордися торжества причиной,
Гордися век Екатериной,

Гордися Александром вновь!
Видь совершение обета,
Для счастья целого полсвета
Петрова на престоле кровь!

Эти обращения Радищева и Хвостова, как и постоянные ссылки на Екатерину II в знаменитой «Записке о древней и новой России» Карамзина, говорят о том, что в политическом воображении России начала XIX в. она оставалась чрезвычайно важным персонажем, что историческая аналогия с екатерининским царствованием могла бы оказаться востребованной.

Как бы то ни было, отсутствие обращений к Екатерине II в политическом богословии первых лет александровского царствования означало и сужение возможностей для возникновения устойчивого политического культа императрицы, подобного культу Петра Великого, поскольку для формирования такого культа требовались усилия не только светских придворных поэтов и публицистов, но и проповедников. Это тем более интересно, что культ Екатерины II, целенаправленно формировавшийся как *равный* культу Петра I, на фоне социальных потрясений во Франции и Польше в последние годы царствования императрицы достиг апогея. Противопоставление французского кровавого хаоса и российской светлой стабильности, интенсивно использовавшееся в последние годы царствования Екатерины II, оказались невостребованными в годы царствования Александра I. Противопоставление России и Франции актуализируется вновь по мере развертывания нового тура войн, но теперь уже с патриотически-мессианскими обертонами. Для церковных проповедников, таких как Авраам (Шумилин) или Евграф (Музалевский-Платонов), это означало доминирование августинизма, пространных рассуждений о Божьем промысле, которые вытесняли на задний план собственно культ монарха, лишенный теперь исторических аналогий и петровско-екатерининской образности.

Современный исследователь Д. Сдвижков обращает внимание на быстрое развитие в политической культуре александровской России понятия *любви*: «Чувственная природа любви становится универсальной, прилагаясь и к патриотизму. Любовь удаляется от практического дольного мира, к которому ее привязывало государственное Просвещение, становясь привилегией личности и высшей ценностью, неподвластной земным резонам. До того нейтральное отечество феминизируется... Патриоты сверяют свои чувства с любовью, будь то любовь к родителям (родина-мать) или романтическая страсть. Первое обосновывает священный статус любви к родине (*l'amour sacré de la patrie*), тогда как второе заострено против рассудочности патриотизма Просвещения — но в любом случае исходным аналогом является личная эмоциональная привязанность, не имеющая ничего общего с утилитарным и рассудочным» [35]. Сдвиг в развитии такого рода риторики исследователь связывает с Отечественной войной 1812 г.

Таким образом, *любовь*, представавшая в церковной проповеди XVIII в. как природная социабельность людей, стала страстным чувством, обращенным к родине. Как мы видели выше, доминирующей эмоцией в панегириках в честь Александра I была страстная любовь подданных к монарху, время от времени обретавшая едва ли не эротические обертоны: государя обожают не только за его мудрость и справедливость (это была бы рассудочная «просветительская» любовь), но и потому, что он прекрасен собой, он внушает любовь (и страсть?) манерами и обликом. Думается, что культурные новации, прослеженные Сдвижковым и достигшие кульминации в условиях жесточайшего военного кризиса Отечественной войны 1812 г., вытесняли более старую риторическую стратегию — ту, которую использовали панегиристы начала 1790-х гг., критикуя Францию и

восхваляя Екатерину II, и которая опиралась на интеллектуальные разработки церковных ораторов и панегиристов 1-й половины XVIII в.

Место культа Екатерины II в политическом пространстве александровского царствования оказалось амбивалентным, хотя в первых панегириках бабушка царя занимала ключевое место. Можно предполагать, что упомянутая выше логика развития патриотических «чувствований», подстегиваемая военными кризисами, привела бы к вытеснению исторического уподобления в любом случае. Однако предпринятый нами экскурс в панегирическую традицию первых лет царствования Александра показывает и другие причины угасания фигуры уподобления внука бабушке. К числу этих причин относятся нежелание церковных ораторов обращаться к Екатерине II в качестве образца, а также, возможно, стремление Александра I дистанцироваться от екатерининской образности после восшествия на трон, в административном смысле приведшее к смещению «екатерининских стариков» в правительстве. Первый тезис заставляет признать корректным аргумент, выдвинутый Ю. В. Кагарлицким, относительно различий между стратегиями описания женских и мужских царствований в политической проповеди XVIII в.: он предполагает, что для царей авторитетная топка работала по принципу уподобления, а для цариц — по принципу соревнования; в первом случае политическая речь быстро превращалась в набор изношенных общих фигур, а во втором случае служила относительно эффективном способом политической мобилизации [10]. Иными словами, воспевавшаяся панегиристами «кротость» и покровительство музам Елизаветы, «мудрость» и законодательные усилия Екатерины II можно считать риторическими ответами на ситуацию кризиса, призванными объяснить подданным, почему, собственно, коронованные женщины достойны оставаться у власти. По мере того как екатерининская образность, построенная на контрасте с подразумеваемой павловской тиранией, исчезала из панегириков Александра I, сами эти панегирики переставали указывать на какие-либо специфические черты политики царя помимо общего благоденствия и процветания подданных. Реформаторский курс Александра не нашел отражения в панегирической традиции, а последовавшее переосмысление фигуры царя как спасителя России и Агамемнона Европы, давшее новый импульс творчеству панегиристов, было связано не с реформаторской программой, а с военной Фортуной 1812 года.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук № МК-5914.2018.6 («Роль церковной проповеди и панегирика в российской политической культуре XVIII в.»).

Список использованных источников и литературы

1. Абрамзон Т. Е., Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 2. С. 406—424.
2. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб. : Наука, 2005. 376 с.
3. Бугров К. Д. «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х — 1750-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 131—138.
4. Бугров К. Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // *Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2—3 дек. 2016 г.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 231—237.
5. Голенищев-Кутузов П. Ода его императорскому величеству Александру Первому во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета. М. : Университетская типография, 1801. 9 с.

6. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М. : Наука, 1984. 252 с.
7. Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. СПб. : Императорская Академия наук, 1865. 736 с.
8. Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству <...> Александру Первому, во всевожденнейший день торжественнейшего венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии 1801 года сентября дня. М. : Университетская типография, 1801. 37 с.
9. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : НЛЮ, 2001. 414 с.
10. Кагарлицкий Ю. В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). С. 66—77.
11. Кагарлицкий Ю. В. Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII — первой половины XIX века // Вереница литер : сб. статей к 60-летию В. М. Живова. М. : Языки славянской культуры, 2006. С. 427—449.
12. Кагарлицкий Ю. В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 243—259.
13. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М. : РГГУ, 2001. 575 с.
14. Карамзин Н. М. Стихотворения. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. 424 с.
15. Кислова Е. И. Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3, N. 2. P. 179—181.
16. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4, N. 2. P. 36—71.
17. Ларкович Д. В. Павел I в лирической рефлексии Г. Р. Державина // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 59—62.
18. Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М. : НЛЮ, 2017. 508 с.
19. Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе). СПб. : Ф-т филологии и искусств, 2009. 140 с.
20. Мещерский П. В. Ода его императорскому величеству, всемилостивейшему государю, Павлу Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на победы во всевожденнейший день рождения его императорского величества. СПб., 1799. 8 с.
21. Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века : (Из истории общественно-политической мысли России). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 216 с.
22. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года. М. : Университетская тип., 1801. 6 с.
23. Ода на всерадостнейший день коронации всемилостивейшаго государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийскаго, которую с глубочайшим благоговением подносит всеподданнейший Максим Невзоров, член канцелярии Императорскаго Московскаго университета. Сентября 15 дня 1802 года. М. : В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1802. 11 с.
24. Ода пчелиной матке от верной подданной ея Молодой Пчелы С... М. : Тип. И. Зеленникова, 1794. 24 с.
25. Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. М. : МГИУ, 2004. 604 с.
26. Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. Т. 2. Кн. 10. СПб. : П. П. Сойкин, 1913. С. 513—704.
27. Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, самодержцу всероссийскому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная кандидатом медицины Николаем Щеголевым 1801 года. М. : Губ. тип. Решетникова, 1801. 7 с.
28. Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27—42.
29. Поучительные слова, преосвященным Анастасием, архиепископом Могилевским и Витебским и ордена святыя Анны 1-го класса кавалером, со вступления на паству белорусскую разновременно проповеданные. Ч. 3. М. : Синодальная типография, 1806. 247 с.
30. Поэты XVIII века. Т. 1. Л. : Наука, 1972. 629 с.
31. Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : НЛЮ, 2006. 322 с.
32. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. ; Л. : АН СССР, 1938. 506 с.
33. Речи его императорскому величеству <...> императору Александру Павловичу при всемилостивейшем его императорского величества с высочайшею императорскою фамилиею посещении ставропиги-

ального Воскресенского, новый Иерусалим именуемого монастыря, говоренные архимандритом Иеронимом 1801 года октября 6 дня. М. : Тип. А. Решетникова, 1801. 8 с.

34. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. : Наука, 1988. 247 с.

35. Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман // Отечественные записки. 2014. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman> (дата обращения: 19.09.2019).

36. Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым. Николаев : Тип. Черноморского Штурманского училища, 1802. 23 с.

37. Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. С. 110—192.

38. Хвостов Д. И. Полное собрание стихотворений. Ч. 1. СПб. : Тип. Императорского воспитательного дома, 1817. 202 с.

39. Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. VII. Мюнхен ; М. : ImWerden Verlag, 2009. 249 с.

40. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9—45.

41. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. XIV. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1831. 331 с.

42. Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 203 с.

43. Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. 320 p.

44. Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. 312 p.

Поступила в редакцию 20.12.2019

После доработки 10.11.2020

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4596-8854

Ившин Владислав Сергеевич, магистрант, ассистент-исследователь
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51
E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4693-1922

UDC 94(47)“17/18”:82-140

K. D. Bugrov**V. S. Ivshin****Transformation of the political culture of Russian monarchism in panegyrics at the turn of XVIII—XIX centuries**

The article analyzes the transformation of the “Peter-Catherine imagery” in the panegyric literature of the late XVIII — first quarter of the XIX century. The paper demonstrates the evolution of this imagery against the background of the French Revolution of 1789, the formation of an adamant cult of Catherine at the end of the empress’s reign, the stability of this cult in the panegyric tradition during the reign of Paul I and the first years of Alexander’s reign. The use of the “Catherine imagery” in secular panegyrics dedicated to the accession of Alexander I was unique: it aimed at presenting the new monarch not only as the new Peter, but also as the new Catherine, while criticizing Paul’s “tyranny”. At the same time, the political theology of the “beautiful days of Alexander’s reign” lacked the historical analogy with the “Catherine imagery”, which allowed the authors to conclude that the cult of Catherine II began to gradually “die away” during the reign of Alexander I and the figure of the tsar himself as the savior of Russia and Europe against the background of the military fortune of 1812 was subsequently redefined.

Key words: Alexander I, Metropolitan Platon Levshin, monarchism, providentialism, sermon, panegyric.

Bugrov Konstantin Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ural Federal University

Russian Federation, 620000, Yekaterinburg, pr-t Lenina, 51

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4596-8854

Ivshin Vladislav Sergeevich, Master degree, Assistant-researcher

Ural Federal University

Russian Federation, 620000, Yekaterinburg, pr-t Lenina, 51

E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4693-1922

References

1. Abramzon T. E., Petrov A. Odicheskie versii “obshchestvennogo dogovora” v Rossii XVIII v. [Odic Versions of the ‘Social Contract’ in 18th century Russia]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 406—424. (In Russian)
2. Alekseeva N. Yu. *Russkaya oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII—XVIII vekakh* [Russian Ode: Development of the Odic Form in the 17—18th Centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 376 p. (In Russian)
3. Bugrov K. D. “Politicheskoe bogoslovie” elizavetinskoi ery: legitimatsiya vlasti Elizavety Petrovny v pridvornoi propovedi 1740-kh — 1750-kh gg. [“Political theology” in Elizaveta’s Age: Legitimation of Elizaveta Petrovna’s power in court sermons of the 1740—1750s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 436, pp. 131—138. (In Russian)
4. Bugrov K. D. “Schast’ya obshchego tvorets’”: panegiriki pervykh let tsarstvovaniya Aleksandra I i politicheskaya traditsiya rossiiskogo monarkhizma [“The Creator of the Common Happiness”: Panegyrics of the First Years of the Reign of Alexander I and the Political Tradition of Russian Monarchism]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’. Materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Yekaterinburg, 2—3 dek. 2016 g.* [Document. Archive. Story. Modernity. Proceed. of the VI International scientific-practical conf., Yekaterinburg, 2—3 Dec. Feb 2016]. Yekaterinburg, Ural. un-t Publ., 2016, pp. 231—237. (In Russian)
5. Golenishchev-Kutuzov P. *Oda ego imperatorskomu velichestvu Aleksandru Pervomu vo iz’yavlenie vsepoddanneishei blagodarnosti ot Moskovskogo universiteta* [Ode to His Imperial Majesty Alexander I to express gratitude from Moscow University]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1801. 9 p. (In Russian)
6. Gratsianskii P. S. *Politicheskaya i pravovaya mysl’ Rossii vtoroi poloviny XVIII v.* [Political and legal thought in Russia in the second half of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 252 p. (In Russian)

7. Derzhavin G. R. *Sochineniya. T. 2* [Compositions. Vol. 2]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1865. 736 p. (In Russian)
8. *Zhertva vseradostnykh chuvstvovaniy ego imperatorskomu velichestvu <...> Aleksandru Pervomu, vo vsevozhdennishii den' torzhestvenneishego venchaniya i svyashchennishego miropomazaniya ego imperatorskogo velichestva na vserossiiskii praroditel'skii prestol, so vsepoddanneishim blagogoveniem prinositimaya ot Kazanskoi akademii 1801 goda sentyabrya dnya* [A victim of all-round feelings to his imperial majesty <...> Alexander the Great, on the most solemn day of the solemn wedding and sacred anointing of his imperial majesty to the All-Russian ancestral throne, with all-true reverence brought from the Kazan Academy of September 1801 of the day]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1801. 37 p. (In Russian)
9. Zorin A. L. *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle... Literature and state ideology in Russia in the last third of the XVIII — first third of the XIX century]. Moscow, NLO Publ., 2001. 414 p. (In Russian)
10. Kagarlitskii Yu. V. *Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliyatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka* [Sacralization as a device: resources of persuasiveness and influence of the imperial discourse in Russia in the 18th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 4 (38), pp. 66—77. (In Russian)
11. Kagarlitskii Yu. V. *Figura naslednika prestola i reprezentatsii verkhovnoi vlasti v russkoi propovedi XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [The figure of the heir to the throne and the representation of the supreme power in the Russian preaching of the 18th — first half of the 19th century]. *Verenitsa liter: sb. statei k 60-letiyu V. M. Zhivova* [Series of letters: collection of works dedicated to the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 427—449. (In Russian)
12. Kagarlitskii Yu. V. *Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnoi i intellektual'noi kul'tury XVIII v.* [Preaching as a source on the history of Russian verbal and intellectual culture of the 18th century]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source studies and history of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 243—259. (In Russian)
13. Kamenskii A. B. *Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka: opyt tselostnogo analiza* [From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the 18th century: an experience of holistic analysis]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 575 p. (In Russian)
14. Karamzin N. M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 424 p. (In Russian)
15. Kislova E. I. *Propoved' i propovednichestvo v Rossii XVIII veka: pri dvore i vne dvora* [Preachment and Preaching in 18th Century Russia: At Court and Outside the Court]. *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 2014, vol. 3, no. 2, pp. 179—181. (In Russian)
16. Klein I. *Pokhvala vlastitelyu: Panegiricheskaya poeziya i russkii absolyutizm* [Praise to the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism]. *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 36—71. (In Russian)
17. Larkovich D. V. *Pavel I v liricheskoi refleksii G. R. Derzhavina* [Paul I in lyrical reflection of G. R. Derzhavin]. *Filologicheskii klass — Philological Class*, 2012, no. 4 (30), pp. 59—62. (In Russian)
18. Marasinova E. N. *“Zakon” i “grazhdanin” v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya* [“Law” and “citizen” in Russia in the second half of the 18th century: essays on the history of public consciousness]. Moscow, NLO Publ., 2017. 508 p. (In Russian)
19. Matveev E. M. *Russkaya oratorskaya proza serediny XVIII veka (panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature)* [Russian oratory of the mid 18th century (panegyric in secular and spiritual literature)]. St. Petersburg, F-t filologii i iskusstv Publ., 2009. 140 p. (In Russian)
20. Meshcherskii P. V. *Oda ego imperatorskomu velichestvu, vseilostiveishemu gosudaryu, Pavlu Pervomu, imperatoru i samodorzhtsu vserossiiskomu, na pobedy vo vsevozhdennishii den' rozhdeniya ego imperatorskogo velichestva* [An ode to his Imperial Majesty, the most merciful sovereign, Paul I, the emperor and autocrat of all Russia, to victories on the most desirable birthday of his imperial majesty]. St. Petersburg, 1799. 8 p. (In Russian)
21. Moryakov V. I. *Russkoe prosvetitel'stvo vtoroi poloviny XVIII veka: (Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii)* [Russian enlightenment of the second half of the 18th century: (From the history of socio-political thought in Russia)]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 1994. 216 p. (In Russian)
22. *Oda ego imperatorskomu velichestvu Aleksandru Pervomu, imperatoru i samodorzhtsu vserossiiskomu, na pribytie ego v stolichnoi grad Moskvu 1801 goda* [Ode to His Imperial Majesty Alexander I, Emperor and Autocrat of All Russia, on his arrival in the capital city of Moscow in 1801]. Moscow, Universitetskaya tip. Publ., 1801. 6 p. (In Russian)
23. *Oda na vseradostneishii den' koronatsii vseilostiveishago gosudarya imperatora Aleksandra Pavlovicha, samodorzhtsa vserossiiskago, kotoruyu s glubochaishim blagogoveniem podnosit vsepoddanneishii Maksim Nevzorov, chlen kantselyarii Imperatorskago Moskovskago universiteta. Sentyabrya 15 dnya 1802 goda* [An ode to the all-merciful day of the coronation of the all-merciful Emperor Alexander Pavlovich, the autocrat of

all Russia, which is offered with the deepest reverence by the all-subordinate Maxim Nevzorov, a member of the Chancellery of the Imperial Moscow University. September 15, 1802]. Moscow, Universitetskaya tip. Publ., 1802. 11 p. (In Russian)

24. *Oda pchelinoi matke ot vernoï poddannoi eya Molodoi Pchely S...* [An ode to the queen bee from her faithful subject Young Bee S...]. Moscow, Tip. I. Zelennikova Publ., 1794. 24 p. (In Russian)

25. Omel'chenko O. A. *Vlast' i zakon v Rossii XVIII v.* [Power and law in Russia in the 18th century]. Moscow, MGIU Publ., 2004. 604 p. (In Russian)

26. Platon (Levshin). *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2. Kn. 10* [Full composition of writings. Vol. 2. Book 10]. St. Petersburg, P. P. Soikin Publ., 1913, pp. 513—704. (In Russian)

27. *Pozdravitel'naya pesn' Ego Imperatorskomu Velichestvu Aleksandru Pervomu, samoderzhitsu vserossiiskomu, vo vseradostnyi den' svyashchennogo miropomazaniya i koronovaniya, vsepoddanishe podnesennaya kandidatom meditsiny Nikolaem Shchegolevym 1801 goda* [Congratulatory song to His Imperial Majesty Alexander I, the autocrat of all Russia, on the all-joyful day of the sacred anointing and coronation, most fully presented by the candidate of medicine Nikolai Schegolev in 1801]. Moscow, Gub. tip. Reshetnikova Publ., 1801. 7 p. (In Russian)

28. Pol'skoi S. V. *Dvoryanskii konstitutsionalizm v Rossii XVIII — nachala XIX v.* [Noble constitutionalism in Russia in the 18th — early 19th centuries]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 6, pp. 27—42. (In Russian)

29. *Pouchitel'nye slova, preosvyashchennym Anastasiem, arkhiepiskopom Mogilevskim i Vitebskim i ordena svyatyia Anny 1-go klassa kavalerom, so vstupleniya na pastvu belorusskuyu raznovremennno propovedannye. Ch. 3* [Instructive words by the Right Reverend Anastassy, Archbishop of Mogilev and Vitebsk and the Order of St. Anna, 1st class knight, preached at different times from the entry to the Belarussian flock. Pt. 3]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1806. 247 p. (In Russian)

30. *Poety XVIII veka. T. 1* [Poets of the 18th century. Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 629 p. (In Russian)

31. Proskurina V. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Empire myths. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006. 322 p. (In Russian)

32. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1* [Full composition of writings. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938. 506 p. (In Russian)

33. *Rechi ego imperatorskomu velichestvu <...> imperatoru Aleksandru Pavlovichu pri vsemilostiveishem ego imperatorskogo velichestva s vysochaisheyu imperatorskoyu familieyu poseshchenii stavropigial'nogo Voskresenskogo, novyi Ierusalim imenuemogo monastyrya, govorennye arkhimandritom Ieronimom 1801 goda oktyabrya 6 dnya* [Speeches to His Imperial Majesty <...> to Emperor Alexander Pavlovich, with his most merciful Imperial Majesty with the Highest Imperial surname, visiting the stauropagic Resurrection, New Jerusalem, called a monastery, spoken by Archimandrite Jerome 1801 October 6 days]. Moscow, Tip. A. Reshetnikova Publ., 1801. 8 p. (In Russian)

34. Safonov M. M. *Problema reform v pravitel'stvennoi politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv.* [The problem of reforms in the government policy of Russia at the turn of the 18th and 19th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 247 p. (In Russian)

35. Sdvizhkov D. *Samoderzhavie lyubvi: 1812 god kak roman* [The Autocracy of Love: 1812 as a Novel]. *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 6. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman>. Accessed: 19.09.2019. (In Russian)

36. *Slovo na prazdnestvo vseradostneishago koronovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Pavlovicha, byvshee v Chernomorskom Shturmanskom Uchilishche v Nikolaeve Oktyabrya dnya 1801 goda. Govorennoe onago Uchilishcha Professorom P. Suvorovym* [Speech on the celebration of the most joyous coronation of the Emperor Alexander Pavlovich, which was at the Black Sea Navigation School in Nikolaev, October 1801. By Professor P. Suvorov]. Nikolaev, Tip. Chernomorskogo Shturmanskogo uchilishcha Publ., 1802. 23 p. (In Russian)

37. Uspenskii B. A., Zhivov V. M. *Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii* [King and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. Uspenskii B. A. *Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, vol. 1, pp. 110—192. (In Russian)

38. Khvostov D. I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii. Ch. 1* [Complete collection of poems. Pt. 1]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma Publ., 1817. 202 p. (In Russian)

39. Kheraskov M. M. *Tvoreniya, vnov'ispravlennye i dopolnennye. Ch. 7* [Creations revised and supplemented again. Pt. 7]. München, Moscow, ImWerden Verlag, 2009. 249 p. (In Russian)

40. Sharf K. *Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya* [Monarchy based on law instead of despotism. Transfer and adaptation of European ideas and the evolution of views on the state in Russia during the Enlightenment]. *"Vvodya nravy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode": k probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii* ["Introducing European customs and customs in the European people": on the

problem of adaptation of Western ideas and practices in the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 9—45. (In Russian)

41. Shishkov A. S. *Sobranie sochinenii i perevodov admirala Shishkova. Ch. XIV* [Collected works and translations of Admiral Shishkov. Pt. XIV]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1831. 331 p. (In Russian)

42. Shtrange M. M. *Russkoe obshchestvo i frantsuzskaya revolyutsiya 1789—1794 gg.* [Russian Society and the French Revolution 1789—1794]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 203 p. (In Russian)

43. Whittacker C. *Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue*. DeKalb, Northern Illinois University Press, 2003. 320 p.

44. Wirtschafter E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb, Northern Illinois University Press, 2003. 312 p.